

УДК 811.512.153
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-54-61

Формирование метафтонимического имени собственного в эпическом дискурсе

Л. В. Ююкина

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

Аннотация

Исследование имен собственных проводится на материале эпических текстов хакасской лингвокультуры. Имя собственное рассматривается как дескрипция, функционирующая в качестве онима в дискурсе. Традиция такой трактовки имени собственного восходит к лингвистическим и лингвофилософским исследованиям, представленным в трудах Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, А. Д. Шмелева, Б. Рассела, Г. Фреге и др. Выделено четыре модели номинации, раскрывающие особенности развития имени из аппеллятива как простой дескрипции с последующим ее преобразованием в имя собственное. Представлен анализ метафтонимической номинации как одного из видов эпических антропонимов. Доказывается, что основным способом формирования имен собственных такого порядка является перекатегоризация нереферентной характеризующей предикатной дескрипции в идентифицирующую дескрипцию, которая становится именем собственным для референта. Имена собственные эпического дискурса характеризуются наличием коннотативного и сигнификативного компонентов значения.

Ключевые слова

имя собственное, эпический дискурс, идентифицирующая дескрипция, метафтонимия, антропоним, аппеллятив

Для цитирования

Ююкина Л. В. Формирование метафтонимического имени собственного в эпическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 2: Филология. С. 54–61. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-54-61

Generation of Metaphonymic Proper Name in the Epic Discourse

L. V. Yuyukina

*Khakas State University
Abakan, Russian Federation*

Abstract

The study of names and descriptions is based on the epic texts of the Khakas culture. Proper names of the epic discourse are regarded as definite descriptions that possess the ability to identify an individual referent and to function as proper names. The interpretation of proper names as descriptions is based on the linguistic and the logic researches presented in the works by N. D. Arutyunova; E. V. Paducheva; A. D. Shmelev; B. Russell; G. Frege; S. Kripke etc.

Different types of epic nominations have been identified. The most popular of them are metaphorical, metonymical, and metaphonymic nominations. They demonstrate the features of conversion of appellative as a simple description into proper name.

The article presents metaphonymic nomination as one of the types of epic proper name. The analysis of metaphonymic nomination demonstrates the transition of indefinite characterizing predicate description (related to any objects in general and denoted attributes) to the actantial position. In this syntactic context the appellative gets the definite reference and the aptitude to signify an individual being. Conversion of indefinite characterizing predicate description is claimed to be the central mechanism of generation of metaphonymic names.

It must be emphasized that this type of nomination is a complex process of interaction and correlation of binary phenomena, leading to the emergence of proper name as a separate lexical category.

Key words

proper name, epic discourse, definite description, metaphonymy, referent

© Л. В. Ююкина, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 2: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 2: Philology

For citation

Yuyukina L. V. Generation of Metaphonymic Proper Name in the Epic Discourse. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 2: Philology, p. 54–61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-54-61

Введение

Данная статья представляет собой продолжение исследования имен собственных (далее ИС) эпического дискурса. В предыдущей статье [Литвиненко, Ююкина, 2013. С. 78–83] нами были изложены некоторые выводы, связанные с механизмом формирования метафорического имени как одного из видов эпических антропонимов.

Объектом настоящего исследования являются ИС эпического дискурса, образованные на основе синтеза метафорической и метонимической проекций. Целью статьи является описание механизма формирования метафтонимического имени.

Результаты исследования и их обсуждение

На основе эпического дискурса хакасской лингвокультуры выделены следующие виды ИС.

ИС – метафоры: *Алтын Арыг* ‘Чистое золото’, *Пуга моке* ‘Сильный бык’, *Ылачин* ‘Сокол’, *Хураган* ‘Ягненок’, *Хулун* ‘Жеребенок’, *Хурусха* ‘Мерлушка’, *Хуча* ‘Баран’, *Парчых* ‘Скворец’, *Тиин* ‘Белка’, *Пага* ‘Лягушка’, *Торгай* ‘Жаворонок’ и т. д. (примеры из: [Бутанаев, 2008]).

ИС – метонимии: *Чибек Арыг* ‘Чистая шелковая нить’, *Чарыг Тана* ‘Светлая пуговица’, *Хара Мартха* ‘Черная пуговица’, *Чилбей Арыг* ‘Чистое опахало’, *Тибен Арыг* ‘Чистая Игла’, *Пулай Чачах* ‘Клубящаяся кисточка (платка)’ и т. д. (примеры из: [Субракова, 2007]).

ИС – метонимии + метафоры:

Тантаан Молат ‘Точеный меч’, *Ханныг Хылыс* ‘Кровавая сабля’, *Тимір Кіріс* ‘Железная тетива’, *Холла Кіріс* ‘Бронзовая тетива’, *Күміс Кіріс* ‘Серебряная тетива’, *Пус Чурек* ‘Ледяное сердце’, *Тас Чурек* ‘Каменное сердце’, *Ай Чурек* ‘Луна-сердце’, *Хара Пас* ‘Черная голова’, *Оттыг Кос* ‘Огненный глаз’, *Ханныг Кос* ‘Кровавый глаз’, *Алтын Иргек* ‘Золотой большой палец’, *Алтын Чус* ‘Золотое лицо’, *Алтын Сас* ‘Золотой волос’ и т. д.

ИС с непроизводным значением:

1) признак внешности: *Алань Хоо* ‘Красавица’, *Ай Маньыс* ‘Белолицая’, *Сіліг-Оол* ‘Красивый парень’, *Чабыс* ‘Низкий’, *Ала-бас* ‘Пегая голова’, *Ах нас* ‘Белая голова, светловолосый’, *Аннагаиш* ‘Пребеленький’, *Чегрен* ‘Рыжий’, *Узун Азах* ‘Длинноногий’ и т. д.;

2) черта характера: *Сибічек* (от прилагательного *сибір*) ‘Искусный, умелый’, *Сибдейек* (от прилагательного *сыбдыр*) ‘Ловкий, бойкий, проворный’, *Албынчы* (от прилагательного монгольского происхождения *албын*) ‘Хитрый’ и т. д.;

3) положение, занимаемое в обществе: *Абахай чахсызы Хыс Хан* ‘Красивейшая из красавиц дева-правительница’, *Чабал сырайлыг Хыс Хан* ‘Страшноликая дева-правительница’, *Тас кізі* ‘Плешивый человек’ и т. д.;

4) положение, занимаемое в обществе + характерная черта (выдающая способность) личности: *Хан Алып* ‘Правитель богатырь’, *Ир Тохчын* ‘Герой-князь’, *Хан Мирген* ‘Правитель – меткий стрелок’, *Ирелдей Тайчы* ‘Мужественный царевич’, *Очен-Матыр* ‘Младший бесстрашный (сын)’ [Бутанаев, 1994];

5) социальное + экономическое положение в обществе: *Албын Хан* ‘Дань-правитель’, *Аран Тайчы* ‘Зажиточный царевич’ и т. д.;

6) конь определенной масти + социальный статус его обладателя: *Ах ой аттыг Ах-хан* ‘Бело-буланый конный белый правитель’, *Ханаттыг Хан Позырах аттыг Алып Хыс Хан* ‘Дева-богатырка на девятисаженном крылатом коне’, *Хурулдай Мирген* ‘Сорокопутовый стрелок’ [Бутанаев, 1999].

Перечисленные ИС по форме и содержанию являются дескрипциями, включающими в себя характеристику свойства и особенности референта. Под дескрипцией вслед за Б. Расселом [1999], Н. Д. Арутюновой [1999] и др. понимается языковая структура, выраженная аппеллятивом (аппеллятивной группой), получающая конкретно-референтную отнесенность и функционирующая в качестве онима в дискурсе.

ИС, представляющие собой единство метонимии и метафоры, являются одной из форм вербализации концептуального синтеза двух проекций. Наличие общих черт у метафорического и метонимического переносов не позволяет провести четкую грань между двумя явлениями, поэтому они рассматриваются как близкие сущности. Вслед за Л. Гуссенсом подобный синтез метафоры и метонимии именуется термином «метафтонимия» [Goossens, 1990].

Как сложные когнитивные структуры метафтонимические антропонимы дают развитие нового значения эпического имени.

Рассмотрим следующий фрагмент эпического текста:

Аллынаң килген айнаны алтыны азырыбысхан, кистінең килген айнаны көбін өдірібіскен. Алты күнни азыра алызыбысхан Таптаан Молат, читі күнни ыртіре ырес толгазыбысхан. Таптаан Молат, алып кізі, айга сыгара алысхан, он ікі пістіг көмес эйреси көп нименің тынын іскен. Ирғи чылы ырткелекке изебі чохтарды тоосхан [Алтын Арыг, 1988. С. 69]

‘Шестерых, подошедших спереди, он зарубил. Многих демонов, что сзади подошли, он уничтожил. Больше шести дней бился с ними Точеный Меч, больше семи дней сражался он. Точеный Меч, богатырь, целый месяц с врагами боролся, до конца старого года могучих врагов он истреблял’ [Там же. С. 226].

Во фрагменте представлено два вида дескрипций, идентифицирующих и характеризующих героя: 1) определенная дескрипция *Таптаан Молат* ‘Точеный Меч’, которая используется в тексте как эпический антропоним; 2) дескрипция *алып-кізі* ‘человек-богатырь’, которая находится в позиции приложения и имеет сдвоенный денотативный статус – конкретно-референтный и предикатный.

По своему генезису *алып-кізі* ‘человек-богатырь’ является простой дескрипцией таксономического значения, реализуемой в интродуктивной и экзистенциальной позициях, она представляет собой первую номинацию объекта в тексте: *Алыптань кічичек когістіг алып кізі торіп парган* ‘С более узкой, чем у других богатырей, грудью, богатырь родился’ [Там же. С. 226]. Далее она реализуется в качестве идентифицирующей дескрипции: *Адын тохтадып, алып кізі аархы сарин кор турган* ‘Осадив коня, богатырь стал осматривать другую сторону хребта’ [Алтын Арыг, 1988. С. 238, 479]. Таким образом, в позиции актанта она гетеронимативна дескрипции *Таптаан Молат* ‘Точеный Меч’. Однако *алып-кізі* ‘человек-богатырь’ не становится подлинным ИС, а остается в статусе функционального ИС в локальном контексте, поскольку выделенный в ней признак является недостаточным для номинации референта среди других богатырей.

Актуализированная в качестве подлинного ИС определенная дескрипция *Таптаан Молат* номинирует сына главной героини сказания. Первая часть дескрипции представлена причастием прошедшего времени *таптаан*, образованным путем присоединения суффикса *-ан* к основе глагола *тапт*: 1) ковать, закалять что-либо; 2) отбивать, заострять что-либо. Второй компонент дескрипции представлен существительным *молат*: 1) сталь; 2) меч, кинжал из стали [ХРС, 1953. С. 109].

Идентифицирующая ИС-дескрипция *Таптаан Молат* по своему происхождению является одной из характеризующих предикатных дескрипций, направленных на раскрытие индивидуальных свойств референта. В тексте она реализуется наряду с многочисленными дескрипциями, не получившими статуса и функций антропонима: *ах ой аттыг* ≈ ‘тот, который ездит на бело-буланом коне’; *Алтын Арыгнынь согіненъ нуткен* ≈ ‘тот, который сотворился из косточки ступни Чистого Золота’; *арыг пудізі Алтын Арыг* ≈ ‘тот, который внешне похож на Чистое Золото’; *алыптань кічиг полган* ≈ ‘тот, который небольшого роста’; *чирнінь устун ус хати чорген* ≈ ‘тот, который землю три раза обошел’; *хайданъ даа улуг алыпты палгап турча* ≈

‘тот, который самых больших богатырей побеждает’; *айнаны көбін өдірібіскен* ≈ ‘тот, который убил много врагов’; *хадарган малнынъ ээзі улыбысхан* ≈ ‘тот, который стал хозяином пасущего скота’ и т. д.

Из множества индивидуализирующих признаков авторами произведения был выбран один, релевантный для целей номинации референта. Из позиции предиката при *алын-кізі* как субъекте такой признак перешел в позицию характеризующего определения, а затем сам реализовался в актантной позиции.

Учитывая тот факт, что ИС-дескрипция *Таптаан Молат* образовалась на основе синтеза метафорической и метонимической проекций, его генезис можно представить следующим образом. В метонимическом значении оно восходит к структуре **таптаан молаттыг полган* ≈ ‘имевший точеный меч’ ≈ ‘тот, который имел точеный меч’, в которой апеллатив, обозначающий оружие, становится именем владельца меча. В метафорическом значении данная дескрипция генетически связана с метафорическим предикатом, возводимым к структуре **кізі – таптаан молат* ≈ ‘человек подобен точеному мечу; человек – это точеный меч’. Как метафорическое ИС оно получает коннотативные признаки ‘способный уничтожить врагов’, ‘всегда готовый к сражению’, ‘непреодолимый в бою’ и т. д.

В обоих случаях причастие *таптаан* уточняет и конкретизирует метафтонимическое значение существительного *молат*. ИС-дескрипция в целом получает эпическое прочтение ‘непобедимый воин, вооруженный точеным мечом’.

В следующем фрагменте функционирует ИС, в состав которого также входит апеллатив со значением ‘оружие’.

Халын аалга ат чахсызы Хан поэраха ат кірген, халых чонын аралы Ханныг Хылыс килген. Хара курень аттынъ хыринда Ханныг Хылыс тохтаан [Алтын Арыг, 1988. С. 176]

‘В богатое село лучший из коней, кроваво-рыжий конь, прискакал, мимо людей проехал Кровавая сабля. Рядом с темно-бурым конем Кровавая сабля остановился’ [Там же. С. 417].

В данном фрагменте дескрипция *Ханныг Хылыс* ‘Кровавая сабля’ актуализируется в качестве эпического антропонима. Как и в предыдущем случае, мы можем реконструировать основные этапы становления ИС.

По своему генезису идентифицирующая дескрипция-ИС *Ханныг Хылыс* восходит к элементу предикатной дескрипции, которая актуализирует один из признаков, приложимых к референту. Из позиции дополнения при предикате апеллативное сочетание *ханныг хылыс* переходит в независимую актантную позицию, становясь личным именем номинируемого субъекта.

Другие предикатные дескрипции, обусловленные конкретными параметрами ситуации, не меняют своей функции и не приобретают конкретно-референтного соотношения: *артыг чаахсы маргага килген* ≈ ‘тот, который приехал на одно из лучших состязаний’; *Алтын Арыгнынъ тунъмазы* ≈ ‘племянник Чистого золота’; *Ах сын алтында ах талай сугнынъ алтында чуртан* ≈ ‘тот, который живет у подножия высокого хребта, на берегу великой реки Ах-талай’; *ханаттыг поэраха аттыг полган* ≈ ‘тот, который ездит на крылатом кроваво-рыжем коне’; *Таптаан Молаттынъ харындазы полган* ≈ ‘брат Твердого Железа’; *Алтын Арыг чачаа ачырганып чорче* ≈ ‘тот, который тревожится о своей тете Чистое золото’; *хан-ниг улыбысхан* ≈ ‘тот, который стал ханом’ и т. д.

Некоторые дескрипции выступают как гетерономинативные единицы к номинации *Ханныг Хылыс*. Вследствие своей низкой рекуррентности и недостаточного идентифицирующего потенциала они остаются функциональными ИС, не переходя в разряд подлинных (постоянных) антропонимов. Например:

Адар танъ параатса, алын кізі турададыр, тонанып ир кулугі тасхар сых килеедір

‘Когда заря занималась, богатырь вставал; одевшись, умнейший из мужей на улицу выходил’ [Там же. С. 447].

Благодаря апеллятиву *хылыс* ‘сабля’ дескрипция *Ханныг Хылыс* приобретает комплексную деривационную семантику. В своем метонимическом значении она этимологически обусловлена структурой **ханныг хылыстыг полган* ≈ ‘имевший кровавую саблю’ ≈ ‘тот, который имел кровавую саблю’, в которой апеллятив, обозначающий оружие, становится именем его владельца. В метафорическом значении данная дескрипция генетически связана с метафорическим предикатом, возводимым к структуре **кізі – ханныг хылыс* ≈ ‘человек подобен кровавой сабле; человек – кровавая сабля’.

Как метафорическое ИС *Ханныг Хылыс* семантически близко к *Таптаан Молат* и имеет те же коннотативные признаки ‘всегда готовый к сражению’, ‘непобедимый в бою’ и т. д. Однако благодаря определению *ханныг* оно получает добавочный компонент значения: ‘уничтоживший много врагов’.

Уточняя метафтонимическое значение существительного, эпитет *ханныг* позволяет дать следующую трактовку эпического ИС-дескрипции в целом: ‘вооруженный саблей воин, проливший кровь множества врагов’.

Рассмотрим следующий фрагмент эпического сказания.

Хызылдань серізіп одырганнары, чидіп, хылыснань сапханда, кистінде одырган туньмазынынъ тигейі – хуйгазын кизе сабысханнар. Хаттыг Тимірни сапханнарында, хылыстары сын парган. Пірсі соданъ хылызына пазох сапханда, хыйа саап, адынанъ андарыл кил тўскен. Хаттыг Тимір ус кізінінъ мойнызынъ ізе саабысхан. Хада тузуп ол кізіменъ, алты кізі, Хаттыг Темирні тудусха алган. Хуагызын тургуза кел сескен, істін чарарга. Алты кізі, пірсі честезі, Хаттыг Темирдинъ, Ойраттынъ алыбынынъ, істін чарын, тастап парыбысхан [Трояков, 1900. С. 180]

‘Подбежали люди красного города, и стали рубить саблями, и убили младшего брата. Но Твердое Железо убить не смогли: сабли их сломались. Когда один снова замахнулся, то упал с коня. Твердое Железо на ходу свернул трем голову. Шесть человек сошли на землю и вступили в бой с Твердым Железом. Стоя, они сдернули с него железную кольчугу. Один из шести распорол брюхо Твердому Железу, богатырю Ойратскому, и, бросивши его, они уехали’ [Трояков, 1995. С. 173].

Фрагмент демонстрирует два вида идентифицирующих и характеризующих дескрипций: *Ойраттынъ алыбы* ‘ойратский богатырь’ и *Хаттыг Тимір* ‘Твердое Железо’. Дескрипция *Ойраттынъ алыбы* в позиции приложения обладает конкретно-референтным употреблением, предикатным значением и характеризует объект, обозначая его статус, физические возможности (богатырь) и принадлежность к определенному роду (ойрату).

Определенная дескрипция *Хаттыг Тимір* ‘Твердое Железо’ используется в тексте как метафтонимический антропоним, который по своему логико-лингвистическому статусу является преобразованной предикатной дескрипцией.

В метонимическом значении оно восходит к структуре **хуагызы хаттыг тимірліг полган* ≈ ‘имевший железную кольчугу’ ≈ ‘тот, который имел железную кольчугу’, что демонстрирует его отличие от предыдущих метафтонимий. Данное имя становится результатом двух этапов метонимического переноса: 1) материал → предмет одежды, из которого он сделан (*тимір* → *хуагызы*) с заменой апеллятива ‘кольчуга’ на ‘железо’; 2) материал → человек, носящий одежду из этого материала (*тимір* → *кізі*), в результате чего *тимір* ‘железо’ превращается в имя воина.

В метафорическом значении данная дескрипция генетически связана с реконструируемым метафорическим предикатом **кізі – хаттыг тимір* ≈ ‘человек подобен твердому железу’, ‘человек – твердое железо’. Как метафорическое ИС оно получает коннотативные признаки ‘твердый’, ‘крепкий’, ‘непробиваемый’.

Кроме физических характеристик, эпитет *хаттыг* ‘твердый’ представляет метафорический перенос с твердости как материального признака на этические свойства личности героя: ‘непоколебимый’, ‘крепкий духом’, ‘стойкий’. Во всех этих употреблениях эпитет выступает интенсификатором признака, выраженного существительным *тимір* ‘железо’, в структуре которого уже имеется сема ‘твердый’.

В результате сложных проекций, обусловленных комплексом метонимических и метафорических сдвигов, рождается ИС, значение которого можно определить как ‘крепкий, стойкий духом воин, одетый в железную кольчугу и непробиваемый, как железо’.

В качестве ИС определенная дескрипция *Хаттыг Тимір* получает возможность максимально точно идентифицировать референт, характеризуя его наряду с предикатными дескрипциями, не поменявшими своего статуса в сказании: *кічік харындазынанъ Хара сойан чиріне сур парган полган* ≈ ‘тот, который с младшим братом был угнан в сторону урянхайцев’; *чирінзер сагынча* ≈ ‘тот, который скучает по дому’; *харындазын чуртынъ чирінзер апарча* ≈ ‘тот, который повез брата домой’; *чалгызан полган полза, алдырбасчых* ≈ ‘тот, которого бы не догнали, если бы он был один’ и т. д.

Проанализируем ИС-дескрипцию *Алтын Чага*, буквальное значение которой ‘Золотой Пояс’. Как и в предыдущем случае, в качестве ИС реализуется одна из идентифицирующих номинаций, которая по своему первичному статусу представляет собой характеризующую дескрипцию, входящую в эпическое повествование. Из позиции актанта при предикате апеллятивный элемент *алтын чага кискен* ≈ ‘тот, который носил золотой пояс (расшитый золотом)’ переходит в независимую синтаксическую позицию, образуя отдельную определенную дескрипцию-ИС с метонимическим значением.

Выбор этой дескрипции из множества других обусловлен особым аксиологическим статусом (коннотатом) лексемы *чага* в хакасской лингвокультуре: по археологическим находкам погребальные изваяния тюркских воинов VI–VIII вв. непременно несут в себе изображения поясов с подвешенным к ним различным оружием [Евтюхова, 1952. С. 72–96]. Также, по мнению Л. Р. Кызласова, «у хакасских дружинников VI–VIII вв. пояс играл важную роль: был показателем ранга, золотой пояс носил очень крупный военачальник, бек» (цит. по: [Унгвицкая, 1972. С. 71]).

Таким образом, пояс, бывший неотъемлемой частью снаряжения, концептуализировался в эпический период как показатель высокого воинского ранга, что предопределило возможность метонимизации значения обозначающего его апеллятива.

ИС *Алтын Чага* строится посредством метонимической проекции, где ‘предмет одежды’ (принадлежность / часть) характеризует воина (целое). В результате такого переноса первичный денотат и большая часть сигнификативного компонентов значения *чага* утрачиваются, расширяясь за счет коннотативного признака ‘показатель ранга’, атрибутируемого референту.

Анализируемая дескрипция обладает также метафорическими признаками, которые заложены в эпитете *алтын*, обуславливающим перенос коннотата (‘ценный’, ‘благородный’ [СИГТЯЛ. С. 637]) на референт с целью актуализации этических свойств героя. По мнению А. Н. Веселовского, подобный факт отражен во многих культурах, где эпитет ‘золотой’ относится не к цвету или материальному качеству предметов, а выражают идею ценности [Веселовский, 1940. С. 83].

Таким образом, эпическое прочтение ИС *Алтын Чага* – ‘крупный, высокопоставленный военачальник’.

Заключение

Проведенный анализ метафтонимических ИС показал, что номинации такого порядка образуются посредством перекаатегоризации одной из характеризующих дескрипций в определенную дескрипцию-ИС, которая становится ИС для референта.

Содержательно двойственные ИС-метафтонимии характеризуются наличием диалектической взаимосвязи комплекса контрастных семантических признаков, обусловленных мотивирующими их апеллятивами с переносным значением.

ИС, представляющие собой единство «метафора + метонимия», характеризуются полной утратой первичного денотата с сохранением сильно редуцированного сигнификата, а также наличием коннотата и конкретно-референтного употребления.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the Human World]. 2nd ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 816 p. (in Russ.)
- Веселовский А. Н.** Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 649 с.
Veselovskiy A. N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1940, 649 p. (in Russ.)
- Евтюхова Л. А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР / Под ред. С. В. Киселева. 1952. № 24. С. 110–111.
Evyukhova L. A. Kamennye izvayaniya Yuzhnoy Sibiri i Mongolii [Stone Statues of Southern Siberia and Mongolia]. In: Kiselev S. V. (ed.). Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on Archaeology in USSR], 1952, № 24, p. 110–111. (in Russ.)
- Рассел Б.** Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 41–55.
Rassel B. Filosofiya logicheskogo atomisma [The Philosophy of Logical Atomism]. Tomsk, Vodoley Publ., 1999, 192 p. (in Russ.)
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 488 с.
 Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika. [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2001, 488 p. (in Russ.)
- Унгвицкая М. А.** Героический эпос – алыптыг ныхмах // Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. 310 с.
Ungvitskaya M. A. Geroicheskiy epos – alyptyh nymah [Heroic epos – Heroic Tales]. Khakaskoye narodnoe tvorchestvo [Khakas Folk Poetry]. Abakan, 1972, 310 p. (in Russ.)
- Хакасско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностранных национальных словарей, 1953. 358 с.
 Khakasko-russkiy slovar [Khakas – Russian dictionary]. Ed by N. A. Baskakov. Moscow, Gos. Izdatelstvo inostrannykh natsionalnykh slovarei, 1953, 358 p.
- Литвиненко Т. Е., Ююкина Л. В.** Формирование метафорического имени собственного в эпическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 9: Филология. С. 78–83.
Litvinenko T. E., Yuyukina L. V. Formirovanie metaforicheskogo imeni sobstvennogo v epicheskom diskurse [Generation of Metonymic Proper Name in the Epic Discourse]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2013, vol. 12, no. 9, p. 78–83. (in Russ.)
- Goossens L.** Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. In: Rene, Ralf Porings (ed.). *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2003, p. 350–377.

Список источников / Source list

- Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос / Сказитель П. В. Курбижеков; запись и подготовка текста, статья, перевод и комментарии В. Е. Майногашевой. М.: Наука, 1988. 448 с.
 Altyn-Aryg: Khakasskiy geroicheskiy epos [Altyn-Aryg: Khakas heroic epos]. Narrated by P. V. Kurbizhekov; recording, preparation of the text, article, translations and comments by V. E. Maynogasheva. Moscow, Nauka Publ., 1988. 448 p.
- Бутанаев В. Я.** Хакасские личные имена. Абакан: ПП «Хакасия», 1994. 108 с.
Butanaev V. Ya. Khakasskie lichnye imena [Khakas Personal Names]. Abakan, PP «Khakasia» Publ., 1994, 108 p.
- Субракова О. В.** Язык героического эпоса. Абакан, 2007. 164 с.
Subrakova O. V. Yazyk geroicheskogo eposa [The Language of the Heroic Epic]. Abakan, 2007, 164 p.

Трояков П. А. Хакасские мифы и легенды (на хакасском языке). Абакан, 1990. 200 с.

Troyakov P. A. Khakaskie mify i legendy (na khakasskom yazyke) [Khakas Myths and Legends (in Khakas)]. Abakan, 1990, 200 p.

Трояков П. А. Мифы и легенды хакасов. Абакан, 1995. 200 с.

Troyakov P. A. Mify i legendy khakasov [Khakas Myths and Legends]. Abakan, 1990, 200 p.

*Материал поступил в редколлегию
Received
15.02.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Ююкина Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (пр. Ленина, 92, Абакан, 655017, Россия)

Lyudmila V. Yuyukina, Candidate of Science (Philology), Khakas State University (92 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russian Federation)

yuyukina.lv@mail.ru